

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

— Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в своё время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то всё и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всём объёме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золочёный.

— Откуда,— говорю,— ты, гражданка? Из какого номера?

— Я,— говорит,— из седьмого.

— Пожалуйста,— говорю,— живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер.

Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

— Да,— отвечает,— действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижёт.

И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц — привыкла. Стала подробней отвечать.

Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше — больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму её под руку и волочусь, что щука. И чего сказать — не знаю, и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне и говорит:

— Что вы,— говорит,— меня всё по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы,— говорит,— как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

— Можно,— говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой — внизу сидеть, а который Васькин — аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я — на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то её вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошёл. Гляжу — антракт. А она в антракте ходит.

— Здравствуйте,— говорю.

— Здравствуйте.

— Интересно,— говорю,— действует ли тут водопровод?

— Не знаю,— говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я этаким гусем, этаким буржуем нерезанным вьюсь вокруг её и предлагаю:

— Ежели,— говорю,— вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

— Мерси,— говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом, и жрёт.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг неё, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

— Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

— Нет.

И берёт третье.

Я говорю:

— Натощак — не много ли? Может вытошнить.

А она:

— Нет,— говорит,— мы привыкшие.

И берёт четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи,— говорю,— взад!

А она испугалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Всё равно, думаю, теперь с ней не гулять.

— Ложи,— говорю,— к чёртовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет.

— С вас,— говорит,— за скушанные четыре штуки столько-то.

— Как,— говорю,— за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

— Нету,— отвечает,— хотя оно и в блюде находится, но надкус на ём сделан и пальцем смято.

— Как,— говорю,— надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно — перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят — надкус сделан, другие — нету.

А я вывернул карманы — всякое, конечно, барахло на пол вывалилось,— народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги — в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Докушайте,— говорю,— гражданка. Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то дядя ввязался.

— Давай,— говорит,— я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:

— Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездят с дамами.

А я говорю:

— Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.